
Pastoy
Портниха
для
бескрылого
принца

Pustoy Pustoy

Портниха для бескрылого принца

https://litres.ru/75024662
SelfPub; 2026

Аннотация

Сначала Аста Вей уколола королеву булавкой. Потом наследник престола снял перед ней рубашку и попросил о вещи куда хуже. Через десять дней ему лететь над Семью Карнизами, а он до смерти боится высоты. Пусть придворная портниха скажет, что подвели крылья. Аста дорожит именем и учениками. К тому же шить крылья не из чего: в ящиках вместо добровольно отданных снов лежат чужие долговые расписки. Пока двор ищет виноватых, эти двое придумывают дорогу, которой ещё не ходил ни один король. Аста, пожалуй, пройдёт с Левеном часть пути. Только держать её за руку придётся учиться без королевского указа.

Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

Содержание

Глава 1. Булавка для покойника 5
Глава 2. Невеста грузчика 18
Глава 3. Рыба на вешалке 32
Глава 4. Отсутствующая пуговица 44
Глава 5. Если возчик женится 56
Глава 6. Тёплый фарфор 67
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Pustoy
Портниха для бескрылого принца

Pustoy
Портниха для бескрылого принца

Глава 1. Булавка для покойника

Её величество просунула руку в левый рукав собственного погребального камзола, добралась до спрятанной там булавки и сказала:

— Ай.

— Это вместо третьего крючка, — объяснила Аста.

— Выше всяческих похвал. Вдруг я к тому времени буду ещё жива.

— На живую я бы подложила подкладку.

— А на кого же ты сейчас шьёшь?

Аста достала булавку зубами. Спорить с женщиной, у которой в одной руке осталась трость, а в другой как раз освободилась полновесная серебряная пряжка, было пустым делом. Ножницы на шнурке упирались ей в живот. Обходя заказчицу, она перешагнула через серую дворцовую борзую. Та за годы службы научилась ложиться на то место, где упавшая иголка может доставить больше всего хлопот.

Камзол сидел превосходно. До того превосходно, что Асте хотелось его испортить. В первый раз за семь лет придворной службы она видела заказчицу в платье, которое совершенно ей шло: дымчатое сукно мягко облегало шею и уходило волной к бёдрам, деревянные пуговицы оттеняли руки, а синие строчки смотрелись на сером куда заметнее, чем золото. И всё это богатство надлежало зарыть в землю вместе с

хозяйкой. Женщины, которым до смерти полагалось носить на плечах городской бюджет, заслуживали хотя бы месяц погулять в том, что им к лицу.

— Проживите ещё годика три, — предложила Аста. — Камзол выгорит и станет вас старить.

— Все вещи меня старят, с тех пор как я состарилась. Подай зеркало.

Аста подала. Правительница не повернула головы, пока девушка не стукнула рукояткой о её ладонь. Приближённые делали вид, что королева любит угадывать местонахождение предметов на слух. Через десять дней Эдра должна была передать сыну корону. У неё оставалось столько зрения, чтобы отличать человека от Соборной башни, если человек не слишком высок. Сын, судя по дворцовым пересудам, был.

— Подними мне подбородок, — сказала Эдра. — Я вижу светлое пятно. Это я?

— Ирма принесла жаровню для завивки париков.

— Дай тогда сковороду: пользы столько же, а задняя сторона у меня красивее.

В первый раз за месяц примерок Аста засмеялась при ней вслух.

У дверей кашлянули. Камергер Тар Нис вошёл боком, подобрав к груди вышитый рукав: при его должности это считалось любезным намёком, что явиться повелел долг. Или рукав стал тесен под мышкой, решила Аста. С портнихами тайные чувства двора долго не оставались тайными.

— Её величество не принимает лиц без должности, — сообщила она.

— У меня их три.

— Значит, за двумя придётся зайти после полудня.

Он посмотрел на неё так, как смотрят на выпуклый камень мостовой, думая исключительно об издержках на перекладку.

— Наследник ждёт. Его нельзя заставлять ждать.

— Тогда зачем вы его туда поставили? — спросила Эдра. — Я велела позвать мальчика к завтраку.

— Его высочество ожидает мастерицу Вей. Начальная примерка крыльев назначена в Большой галерее. Согласно расписанию, она началась семь минут назад.

— Бедная Аста. Пропустила собственную работу. Ну, ступай. Иголки все собрала?

— Кроме той, что останется на случай воскресения.

В коридоре старый лакей пропустил Асту вперёд, держа вытянутой рукой варёное яйцо в фарфоровом гнёздышке: завтрак принца. Яйцо провело на службе, по всей видимости, дольше своей несушки. К нему прилипли жёлтые чаинки и клочок ваты. Проходя, Аста забрала его у старика, и тот от души улыбнулся. Вид у него был такой, будто она приняла на себя какой-нибудь из семейных долгов.

В мастерской два верхних окна уже покраснели от солнца. Небо в них всё утро поднималось по одной стёганой клетке, выставляя хозяйкам крыла счёт. Ближе к полудню нагретый

воздух стелился под потолком, и лёгкая ткань из снов начинала тянуть нити к балкам. Непришитый рукав однажды провёл там три дня. Накройные доски ждали под мокрой мешковиной, четыре ножных колеса были сцеплены вместе, чтобы ни одно не ушло во вращение от ветра, а сама мастерская волновалась так, будто наследник явился свататься.

Лика снимала с Мела мерку на вытяжение. Тому приходилось лежать на доске лицом вниз, держа над головой гимнастическую булаву. Сель выводила кистью белый шов на фарфоровом нагруднике, который потом прикрывался сукном: на тренировочной кукле этот шов изображал линию от груди до колен летящего человека. Она утверждала, что без нарисованного пупка вес полёта дурно распределяется.

— Сколько наследник весит? — спросила Лика.

— Не знаю. Поздоровайся хотя бы.

— Доброе утро. Сколько весит наследник?

Аста вручила ей яйцо:

— Начинай с малого.

В дальних дверях стоял человек с блюдцем. Аста уже поднесла палец к губам, когда заметила, что принятый за запоздалого судомоя мужчина в добротной распахнутой рубашке не носит передника. По росту его следовало причислить к дверям. По виду — к людям, которых, прежде чем заманить в портняжную, приходится бить палками. Верхнюю губу с правой стороны рассекал заживший рубчик. Человек из приличия не старался казаться меньше, чем был.

— Пять пудов без сапог, — сказал он. — Ещё семьдесят восемь золотников, если когда-нибудь получу обратно завтрак.

Лика позеленела, Мел уронил булаву, Сель подхватила её на колено, и только яйцо осталось совершенно равнодушно к перемене обстоятельств.

— Здравствуйте, ваше высочество, — сказала Аста. — Лика, если зеркало упадёт, оставь его. У нас тут пока никто не умер от семи неудачных лет. Я Аста Вей. Чем вам не понравилась Большая галерея?

— Большая. В ней двадцать человек, которые хотят посмотреть на мои голые лопатки. Большинству в приличном обществе отказывают.

— Я вошла бы в их число.

— За ваннами меня тоже подстерегали.

— Это тамошние служащие, — объяснила Лика, справившись наконец с лицом.

— Уверены? Тогда хоть у кого-то во дворце занятие в точности совпадает со склонностями. Пройдём куда-нибудь, мастерица? Не хотелось бы нагибаться при детях.

— Мне двадцать, — мрачно произнесла Лика, когда он скрылся за ширмой.

— Сообщи ему из-за створки. Вдруг это изменит его жизнь. Мел, встань с доски. Сель, проследи за первым размачиванием глиняных клювов. Распаковывать только в счётной, замки при тебе и при Лике.

Она взяла пачку мела, мягкую ленту, деревянную мерку и нож для кривых. Подумав, добавила второе блюдце, на которое можно положить очищенное яйцо. Примерочная за ширмой занимала в их флигеле бывшую караульную комнату. В стены её с незапамятных времён были вкручены бронзовые крючья. Прикладывая раньше молодой лорд к затылку военный шлем, нащупывал рукой тот же крючок, куда теперь его правнуки вешали расшитые распашонки. В тёплом полумраке принц без понуканий снял рубашку и стоял, держа под мышкой тесноватый чёрный камзол.

— Его мне придётся предъявить в конце? — Он кивнул на яйцо.

— Если пожелаете, сделаем на него крылья и отправим к другому наследнику. Не шевелитесь.

Главным при первой встрече с голым человеком, который платит тебе жалованье, было перестать слишком усердно его не разглядывать. Костяк у Левена оказался тяжёлым, никудышным для полёта. Короткие широкие лопатки, длинные предплечья, правая ключица чуть выше левой: видимо, когда-то сломал руку и по привычке берег её в холоде. Аста дотянулась мерной лентой до ямки меж ключиц. Слишком медленно он набирал воздух, словно сначала обдумывал вдох, а после, находя доводы за него более весомыми, расширял грудь. Под кожей напряглась мышца.

— Вам холодно?

— Чувствую, как волосы стоят дыбом, а у вас в руках

сталь.

— Расслабьтесь, отрежу самую малость.

Он посмотрел вниз.

— Чтобы пройти в дверь, или ради вашего профессионального удовольствия?

— Ради покроя, который при подъёме рук не войдёт вам в горло. Это трудно достаётся мне как человеку, но как портнихе мне жаль испортить хорошую ткань.

Принц засмеялся. Весёлый оказался смех, совсем не тот длящийся лишний миг придворный смешок, которым опять и опять напоминают друг другу, что во дворце смеются с разрешения государя. На боку под ребром дёрнулась круглая родинка, и Аста, привыкшая за булавками видеть человеческое тело по частям, вдруг увидела его целиком. Он был совсем близко. Короткие волосы на висках, золотистые искорки в карих глазах. Ей захотелось верить, что он смеётся ради неё. На измерительной ленте она пропустила деление.

— Как глубоко вы обычно дышите перед взлётом?

— Не могу вам сказать.

— Обычный размах? На какой доске учились? Успеваете отстегнуть нижний подпор, когда ветер бьёт под живот?

— Скажите своим, пусть расшумятся сильнее. Вы принимаете жалобы без свидетелей?

— Жалобы на мой покрой только в присутствии трёх понятых и палача.

— Я не полечу.

Она решила, что ослышалась. Остудить человека, которому однажды плохо подобрали перевязь, было легче всего чашкой воды и чувственным описанием того, что она ощутит, спуская со двора сапожника, перетянувшего ремни. Только Левен смотрел на неё спокойно. Было заметно, что к предстоящим уговорам он приготовился и пережил уже всё, чего мог опасаться.

— Не покрывайте ткань ни одной строчкой. Мне нужны законные основания сказать Совету: крылья не готовы. За опоздание заплачу мастерской втрое из собственного кармана.

— Вы получите расчёт, — сказала Аста. — Такую мерку я ещё не снимала. Позвольте ленту забрать из-под мышки.

Он приподнял руку. Она выдернула ленту, из-за досады стукнув кулачком по его плечу.

— Жалеть вас преждевременно. У вас достаточно положений, из которых можно упасть и без нас.

— Кто просил меня жалеть?

— Вы уговариваете меня сознаться в негодности моего ремесла, чтобы вам не пришлось в чём-нибудь признаваться. Не иначе как от избытка надежды на мою доброту. Рубашка на крюке.

— Я говорю о плате за несделанную работу.

— За моё место вы тоже заплатите? А за то, что дети вот уж который год приезжают в мой дом учиться шить крыло так, чтобы человек вернулся живым, тоже дадите деньги?

Хотите прилюдно снять с меня фартук? Хорошо. Сделайте это сами, а не просите меня выйти к народу в одной сорочке.

— А если я скажу, что мне становилось дурно даже со спусковой горки?

— Я сменю вам ремни. Если скажете, что лететь не можете, я вам поверю. Чтобы рукоделие моё признали тому причиной, надо быть изрядной скотиной. Скотиной вы ещё успеете сделаться, а мне надобно работать нынче.

Он взял рубашку. Оделся без посторонних рук и, глядя на мел на полу, застегнул первую пуговицу в третью петлю. На таком большом теле перекос выглядел трогательно. Аста, пожалев о собственной злости, поправила ему ворот, служебно и без лишней нежности. На кончике его нижней ресницы белело крошечное гусиное пёрышко из стёганой подкладки. Захотелось сдуть.

— Ну, а если вы будете шить, — спросил он, — что получите за работу?

— Для себя или для своих?

— Я думал, вы хозяйка.

— Хозяйка и есть тот, у кого нельзя спросить только про себя.

— Тогда я спросил у одной женщины и, кажется, умудрился одновременно оскорбить четырёх.

— Выше всяких похвал, — повторила она за Эдрой и представила себе, как будут говорить через год: у новой короны то же чувство юмора, что у старой, и всё-таки голова

болит иначе. — Идёмте завтракать. Урон, причинённый чести моих юнцов, будет покрыт этим яйцом. Они не слишком разборчивы.

В счётной было тихо, как в тёплой комнате, где умирает хозяин, а при нём собрались близкие, давно не видевшие друг друга и ужасно любопытные, но ещё не решающиеся шептаться. Двое посыльных держали ларец за длинные ручки; у всей службы сбора снов развивалась одна и та же осторожная раскачка коленей. Сель положила на крышку руку, и серебряная рябь застыла. Лика разложила медные тарелочки под бирки. На каждом глиняном клюве спящий оставлял две хлебные капли с собственного завтрака. У мастеров был способ распускать их рядом на вытертом до белизны войлоке; Лика разбиралась, какая капля стоит у первой нити, а какую надлежит обвести подписью в реестре. Себе Аста оставляла узел, на котором обыкновенно дрожали руки начинающих. По этому узлу, когда отведут первый уток, производился один необратимый надрез.

Ей довольно было одного взгляда, чтобы увидеть: посыльные несут пустое.

— На землю.

— Тяжёлый, — вздохнул младший.

— Значит, внутри камни.

Посыльный смешался:

— Камни, мастерица.

Лика прижала большой палец руки к губам и отверну-

лась к окошку: смеялась она, как чихала, один раз взвизгнув. Приподнимать крышку ей больше не хотелось давать никому, хотя бы и члену королевского дома. Откинули замки.

В ящике лежало десять гладких грузиков, которыми притискивают на весах намокшую бумагу. На каждый надели отрезок бечёвки с номером, а в середину положили ведомость причитающихся первому кругу будущих дарений. Бумажные крылья во дворце изготовляли со времён Эдриных дедов. Из них, если ещё раз сложить их пополам, выходили превосходные пилотки.

— Где сами? — спросил Мел.

— На домах ещё не собраны, — ответил старший посыльный, шапка которого была надета поверх другого, прошлогоднего, головного убора. — На всё сразу не хватило. Ведомость заверена.

— Каким образом заверить то, что люди ещё не видели во сне? — поинтересовался Левен.

Старший разглядел господина с мокрым от воды воротником, намаялся над тем, куда девать сразу две шапки, и наконец подвесил их на ручку ларя.

— Это взято из запаса долгих снов. Родители учеников городской мастерской. По соглашению с домом. На случай нехватки личных и войсковых. Нам оставили в счёт девятнадцать ячеек, но только без списка дарителей, когда придут с товаром, запишут имена. Фамилии уже даны.

Тишина стала другой. Стоявшие до сих пор в световом

пятне на полу туфли Лики исчезли под прилавком. Сель вертела в руках ложечку с четырьмя пятнышками светлой глины. Её вещи всегда можно было узнать: на них оставались четыре белых пятна, потому что пятый палец заворачивался внутрь. Коронный камзол на Селиных пальцах можно было сделать без примерки.

— Это сны наших домашних? — спросил Мел. — Мамка видит только, что у неё со сковороды уходят оладьи. Куда на них всерьёз можно лететь?

— Тише, — сказала Лика.

— А я ч-что? Вы бы хоть на сковороду посмотрели.

Асте полагалось узнать реестр. Она и узнала: внизу под нитяной сеткой стояли её две косые буквы. Она выводила их тогда паршивой ручкой, которая уронила кляксу между рожками В. Можно было закрыть бумагу, учинить шум из-за булавки в чужой коробке и выяснить подробности потом. Мастерские, в которых три года не хватало дров и кровельной соломы, выгадывали время именно так.

— «Согласие старших семей», — вслух прочёл Левен. — Скольких человек вы в эту плату записали?

— Моих двадцать три.

— Сколько обучается?

— Трое при мне, за стеной ещё группы у Резы и у Шита. Прочих я не успела набрать. Беда-то какая.

Аста опустила дверцу. Серебряный звон замка в пустом помещении ударил ей прямо в зубы.

— Ваша очередь, — проговорила она и посмотрела на принца, который, поморщившись, доедал ледяное яйцо. — Расскажете при свидетелях, зачем вам крылья без единого сна?

— Я до сих пор не сумел ответить вам и при одном свидетеле.

— Тогда по рукам. Как только у меня в ларце окажется что-нибудь годное для летуна, я стану шить. А пока можно пойти посмотреть, что там творится у нас дома.

Он съел яйцо до последней крошки. Вместо жареного завтрака короля это оказалась плата за четыре часа обыкновенного рабочего дня. Вышла она невелика. Аста подала ему рабочий передник без герба, а Мелу приказала посчитать все камни, даже самые маленькие.

Глава 2. Невеста грузчика

На лестнице перед домом дремал человек в лисьих рукавицах, заложив руки за голову. Левен разглядел вышивку на рукавицах — синие васильки вперемешку с войлочными мышами. Хозяйка украсила мужа с таким размахом, что мужчина вряд ли мог ощутить холод, даже если бы от него остались только эти две рукавицы. Над головой спящего висел мелованный щит с надписью: «Здесь можно переобуться и развестись». Внизу мелкими буквами было добавлено: «И то и другое после двух часов».

— Коша мокрая, — сказала Аста. — Пойдёмте через переобувку.

— Как мокрая?

— Река такая, не поперёк, а сверху. Называют Кошей. После дождей течёт с Овечьей скалы и падает на среднюю лестницу. У вас в канцелярии ей однажды дали имя принца Конвина. В ней к тому времени за месяц трижды утопили кочергу, и соседи пошли к Конвину за возмещением. Пришлось переименовать обратно. Вы здесь, что ли, никогда не бывали?

— У меня в учительской висела прекрасная карта. На ней была отмечена Водостоковая труба.

— Вот она на вас и польётся, ваша труба. Переобувайтесь.

На верхней террасе ноги княжеского дома проникались

уверенностью, что такое им будет дозволено на всём протяжении города. Левен прежде ни разу не испытывал эту уверенность в сапогах из белой мягкой кожи. Парадные сапоги вдобавок были ему коротки. Он разулся в лавке, засунул ноги в деревянные башмаки на верёвках и поплёлся за мастерицей. На ногах Асты появились совсем другие башмаки — с загнутыми кверху мысами, расписанные красными осенними листьями.

— Взяли себе хорошие.

— Мои собственные.

— Как вы их узнаёте?

— Очень просто. На них написано «не трогайте, встанет на дыбы». Вам дать мел?

Имя Левена она пока не произносила. Не пользовалась и титулом, обращаясь к нему сразу с середины фразы. Внизу на разводной площадке ждал распорядитель караула и машина с чёрным гербом. Левен подал знак, чтобы его оставили в покое. Караульный отсалютовал печально и ласково, как человек, которому отменили скучную службу, но заодно унесли хорошо набитую сумку с дорожными деньгами.

Коша лилась сквозь половину города. Аста первая схватилась за тёплый канат, протянутый сбоку ступеней. Над головами водяные завесы на несколько мгновений раздваивали солнце. Левен смотрел, как по коричневой шее женщины ползёт капля и отражающий свет волосок поверх воротника смещается, пропуская воду на кожу. Шею он потом помнил

лучше двойного солнца. С тех пор как ему исполнилось двадцать, всякая женщина, которая ему нравилась, должна была либо ему отказывать, либо за него выходить. Обычай казался достаточной причиной умереть холостым. С Астой можно было побеседовать о пометах на деревянных башмаках. Он бы очень хотел, чтобы у этого занятия было продолжение.

Внизу мокрый воздух пах горячей мукой, склеенными новыми сапогами и городским омутом. Налево через него шла старая грузовая дорога. Казённая часть дороги наверх обеспечивала доставку льда и свежих печатей, а часть, идущая вниз, подчас сдавалась отдельным промышленникам. Здесь круглый год стояла медовая пыль. В белом плакате с рекламой аптечных порошков пчёлы выгрызли сотни маленьких дырочек. На грубых кухонных досках продавали печёные яблоки с семечками, дынную патоку, солёные орехи, сладкий жир для вымени и хворост под названием «невестины рёбра».

— У моей невесты, — промолвил высокий седоватый торговец, заметив его взгляд, — их было четыре дополнительных. Доктор говорил, чудо природы. Возьмите, добрый господин. Мягкие.

— Я думал, наоборот.

— На любителя и ломкие есть.

Аста толкнула Левена в бок. Глаза у неё были тёмные, с изломом во внешних уголках, оттого вечно казалось, будто ей вот-вот удастся что-нибудь интересное. Скупить у тор-

говца все мягкие рёбра представлялось прекрасным способом употребить казну его высочества. Левен купил два, зная, что своим начальством обязуется беречь печёночную желчь и стараться не набирать в весе к полёту.

— Из лавки ныряем во двор, — проговорила спутница. — Там найдём Ольду. Тянуть её за конец платка не надо. Муж умер три года назад, у неё под шалью всё ещё ножницы, она ему стригла усы.

— Я не имею обыкновения хватать чужих вдов за платок.

— Некоторые так делают по вдохновению.

— Мастерица Вей, я у себя дома третий день. Надо же чему-нибудь в жизни дать случиться без меня.

Задний двор был обнесён сеткой и разлинован на квадраты. В нём собрались человек тридцать, преимущественно седых и низкорослых, каждый держал карточку на палочке. В середине на подставке стояла женщина в тёмной праздничной юбке и грубой высоко повязанной косынке. Её узкие карие глаза были подведены, на щеках играл слабый румянец, а с подбородка стекал добросовестный рабочий пот. Под юбкой отчётливо читались серые шаровары и стёганые наколенники. Женщина как раз объясняла, что крутую кривую на третьем кронштейне по случаю смерти покойного Янека придётся двигать втроём.

— У кого возражения? — Она ткнула рукой в сторону сетки. — Платон, повернись к девятке.

Платон повернулся. На лбу заскрипела пружинка дере-

вянного наголовника, и под ним, господи боже, были выбриты монаршие букли.

— Мата не видно, — сообщила женщина. — Кто спрятал Мата?

— У Мата запор, — отозвался откуда-то сзади старик. — Он отлучился вот сюда.

— Попросите его отлучиться, не оставляя места. Государев круг идёт к чертям из-за любого запора; это мы обязаны предусмотреть. Раз-два, раз-два, держим. Теперь кто принц?

— Я, кажется, — сказал Левен.

Аста сначала пыталась его остановить, потом рассмеялась и стала доедать хворост.

— Рукаве шлейки не мешает, малыш? — спросила женщина. — Чуть потуже затяни.

— Так?

— Наоборот. Ты ж его на собственной шее затянул, тебя в кукольниках уволили бы за такое. Мышка на рельс, подбородок прямо, ты не дрова везёшь, ты корону везёшь, а для получения оной, по всей видимости, иного способа не изобретено. Девятый, поворачивай рыбу, поехали.

Шлейка, которую на него накинули, служила для изображения груза, когда канатные возчики разыгрывали манёвры к коронационному дню. Левена потащили через двор на верёвке; близкий рельс лёг под левую подмышку, на другом конце опустили противовес, и у Левена стало пусто под пятками. Чтобы вообразить себя здесь летящим принцем, тре-

бовалось сначала вообразить, что всё остальное происходит не с ним. Внизу сразу стало пусто. Город за стеной скрипнул, как оконная рама в покосившемся доме. Тринадцатилетний Левен Дор на один безмерный промежуток снова оказался в сетке над провалом, куда инструктор велел глядеть прямо. В груди совершенно не было места. Он потянул воротничок, потом стал смотреть на деревянные мысы ног мастерицы Вей.

Аста спихнула кончиком своего башмака камешек с квадрата на квадрат и сказала:

— У моей тётки была слишком здоровая девочка-невеста. Её сюда тоже понесли. Указала пальцем на жениха, которого подавали на торт. Попросила завернуть.

Он мог бы сказать, что анекдот был весьма дурён, если бы сумел разобрать половину. Но она разговаривала с ним, а не держала за затылок. В этот раз он смог сесть на обе ноги при спуске, не ударив под себя коленями.

— Позвольте мне, — сказал он, — жениться на этой невесте. Мне нравится, когда жена знает, куда положила мужа.

— У моего был какой недостаток? — спросила женщина в юбке. — Если не обо всём знаете, интересоваться на своём веку надобно деликатно.

В середине двора движение оборвалось. К ней склонялся Тар Нис; как он очутился внизу после того, как остался вверху, было загадкой всех его предшественников. Тар сказал ей что-то на ухо. Она обернулась, оглядела Левена с ног

до головы, показала несколько крепких зубов.

— Имя, можете сами подтвердить?

— Могу. Левен Дор. Вы Ольда Блюм.

— Как же вы сразу не сказали, что вы он?

— Да я, кажется, сразу сказал.

— Положим. А что тогда вам здесь надо? Посмотреть, как круг репетируют? Скверно репетируют. А раз знаете, как меня зовут, за прошедшие четыре года могли бы хоть раз послать рабочим денег на приводы. Есть желание всё так же вежливо болтать?

— Мне прислали свёрток сновидческих клювов, полный камней. Я пришёл за ушедшими за ним снами.

— Прямиком ко мне?

— Мне нравятся ваши ножницы, — сказала Аста.

— Маев! — крикнула Ольда. — Как это понимать? Не ты ли мне сказал, что с цветами всю неделю тихо?

— Я забыл сказать, — отозвался кто-то с крыши, где лежали водяные шланги. — Но с цветами тихо. Там только княжеских голубей покрасили.

— Почему?

— Ухаживает за кем-нибудь.

Ольда, шагнувшая с подставки, повернулась к замешкавшемуся подмастерью, положила власть на стол вместе с платком и повела их через красный верхний двор к торговцам сновидениями. Левен поднял руку, подавая Тару знак остаться. Тар отвернулся. Мастерица Вей на ходу сняла на-

коленник, завернувшийся на ноге Ольды, и застегнула его на нужную дырку. Эта невзначай оказанная услуга понравилась ему больше всех сказок об альпийских красавицах и великанах.

Двор длинных снов находился под крышей, и в нём отгребали от стен налипшую жёлтую траву, во избежание пожара. Крышу подвешивали на летней сетке выцветших женских платков; старые пятна проступали на ней в точности как города на военной карте юга. Возле каждого столба стояла глиняная вода в особом горшке: три дырочки снизу, открытый верх. Здесь вымытые клювы хранили прохладу, пока их не отвезут в первый ткацкий дом. Левен знал, знал прекрасно, как происходит покупка. Спросить продавца о его сне. Назвать ему меру. Положить в ларец причитающееся. Потом, в присутствии старшего, дать время подумать. У плохих судей мечты о порядке исполнялись именно так, как в инструкциях. Когда они вошли, на табуретке перед одним из столбов сидела женщина, которой платили, чтобы она побыла в тоске положенное время. Это была тучная портовая грузчица с угловатым носом; руки её заканчивались ногтями острее тех дорогих бронзовых насадок, которыми беспокоили кожу больных.

— Вы о регистрации? — Она оглядела посетителей. — Могу погоревать в третью смену. Первые две заняты.

— Зачем же нужно горевать? — спросил Левен.

— Вдруг я непременно хочу продать сон, что мне жалеть?

— возразила она. — Погоревать велят. Я горюю за тех, кому надо руками работать. Дети, люди на морозильне. Сейчас я горюю за мышеловку.

— За кого?

— За Тиську Пард. У её хозяина кошка испортила слух, иначе в погреб живой мыши не поймаешь. Я сижу, тоскую. Как дойдёт её черёд получить деньги, позову.

— А зачем вы мне всё это рассказываете?

— Так я горюю страшно общительная.

— Фау, — произнесла Ольда, — слезай. Пришли за семьями швейных.

— Запоздали. Там Брень в последнем углу всё разбирает. Если толкнули Рину вперёд, то, может, ещё возится.

Аста взяла его за локоть и повела через тесноту. С виду в конце ряда глухо сидела вытертая тканевая кукла, обёрнутая сверху вниз плотной шарфовой вязкой. Ценовщик держал перед ней глиняный маленький клюв, в устье которого встречались две разные тени. От колен куклы до пола свисал передник; она собирала в пригоршню последние кусочки своего хлеба и всё никак не могла их размочить. При ближайшем рассмотрении это оказалась женщина лет двадцати четырёх в плотном послеродовом платке. Острым концом из него выглядывал носик спящего ребёнка.

— Меня слышно? — Аста села перед ней на колени, не обращая внимания на грязь. — Госпожа, я вам мешаю?

— Так он в эту минуту уйдёт. Вы отпустите глину.

— Я пока держу край, я никуда её не отпускаю. Вы пришли по своей воле?

— По своей, по своей, — сказал ценовщик Брень. — Вот за это у нас ещё не доплачивают, а давно бы стоило. Мы здесь работаем до восьми. У тебя и хлеба-то нет, мастерица, чего ты лезешь?

— Дайте ей ответить. Вы пришли по своей воле?

— Мне надо купить хорошую зимнюю овсянку. Подешевле у Мышьего моста, но туда ноги не несут. Вам говорят, по своей.

— Госпожа, смотрите на меня. Что вам снится?

— Это говорю только в клюв. Утраты много слов не любят.

— Тогда тихонько, ладно? Можете мне назвать одно-единственное слово.

Женщина приблизила тепловатый рот к сбившемуся за ухом Асты пучку волос. Успела сказать, не потревожив маленького сына. Аста, по-кошачьи извернувшись, опустила ладонь ей на руки. Клюв, оказавшийся пальцам принца так близко, что можно было увидеть слежавшийся по краю мучной клей, тихонько дрогнул, звонко цокнул о табуретку.

— Что я вам сделала? — Женщина сказала это сердито и даже с ненавистью. — Что вы от меня-то хотите?

— Чтобы вы знали. Никто не будет вам его показывать после продажи. Ни разу. Скажем, ребёнок подрастёт, станет другим. А ваш муж будет возвращаться во сне всё тот же,

что сейчас. Однажды вы устанете видеть его в этом виде, и это тоже случается. Потом придёте и мне продадите. Хоть в тот же день. Только в тот день вы узнаете всю цену. Сейчас вы видели его сколько ночей?

— Три. — Женщина отодвинулась от Асты. — Разве можно знать, дорогой ли сон, если видела три ночи? Вы сами покупаете у таких, как я.

— Покупаю, — сказала Аста. — И да, я сбила вам торг. Можете запечатать снова. Вы видели подряд три ночи, а на этих коронных бирках стоит «долгий», это сон двенадцати ночей и более. Получить вы должны тройную цену. Кто решил, что он у вас долгий? Кто уже прописал его в ведомости?

Сон к груди женщины вернулся. Было заметно, как у неё дрогнули руки; смятый уголок передника она погладила с сосредоточенным терпением, словно держала засов, к которому прижались снаружи знакомые и страшно дорогие люди. Она обернулась к ценовщику:

— Давайте три цены. Я подумаю.

— За никем не виданный сон? Беги, потаскушка, и спасибо скажи, что за порченый клюв с тебя не взяли неустойку.

— Сама отдам, если ещё решу продать, — сказала она, глядя на Асту. — Моего мальчика не берите в руки, я видала ваших.

Аста поднялась. На коленях её тёмного платья остались две ясных светлых кляксы. Принц протянул руку к ребёнку и удержался. К руке мужчины, у которой по одному движению

пальца вырастали долговые расписки, относились совершенно иначе, чем к руке соседки.

— Как имя? — спросил он, глядя прямо на ценовщика.

— Его зовут Брень, — ответила Ольда. — Там так и написано. Её — Рина Свель. Дочь моего покойного золовкина мужа от первого брака. Авось когда-нибудь научишь нашего брата жить на тройную цену, а пока мы даже одинарную едим ежедневно.

— Кем был муж Рины?

— Паромщиком на отводном. Он утонул осенью.

— Учеников у неё в семье нет.

— Теперь нет, — ответила Аста. — Старшая сестра умерла в моём флигеле. Подпись её супруга осталась среди двух десятков расписок.

— Эту женщину, значит, записали в плату без её ведома?

— К тому же взяли с ней расчёт, как со свободного продавца. И кто-нибудь отнесёт обрывок мечты к двум воротам. Хотите жить с таким порядком?

— Не припомню, чтобы у меня раньше часто спрашивали.

Ольда вела имена языком по зубам. Точно так брала на зуб купленную медную монету покойная сестра Левена: стучала, потом морщила глаза и говорила «звенит». Возчица только крякнула и вернула их к ярмарке. Левен отдал Асте руку; ступая по мокрому камню, она ухватилась сперва за три пальца, а потом, не оговаривая этой малой перестановки, посунула пальцы туда, где ладонь ещё грелась от манжеты.

— Я вами недоволен, — сказал он. — Вы взяли у женщины сон собственными руками и на минуту решили за неё. Что ей покупать овсянку, знать мужнино лицо, учить своих детей лицу мужа? Были у меня люди, которые именно это решали из лучших побуждений.

— Да, — проговорила Аста. — Она бы все равно продала в три цены. А вы надеялись увидеть добрую женщину, которую впечатляете?

— Я с утра надеялся увидеть тёплое яйцо. Теперь мне хочется уметь выбрать, глупость ли сделал я, или глупость сделали другие. В каком месте здесь можно получить это право?

— Нигде. Только собственную глупость, у неё ещё очередь.

Он оглянулся. На площади выглянула сквозь толпу рука: Фау вернулась на своё место и махала им кончиком вязаной косынки. Потом подала знак из двух выставленных пальцев. Он не понял.

— Это она вас зовёт на послезавтра. Будет спектакль карнизовых возчиков, билетик — два мелких, — объяснила Аста. — Меня она знает по старому делу, бесплатно не пустит.

— Я и в это угодил?

— Вы нам тут чуть было не женились. Спектакль называется «Невеста грузчика». Это городская свадьба с бумажными зверями. Видите, специальная касса.

— Удобно родиться женщиной, которая заранее знает на-

звания всех невест и мостов.

— Надеюсь, вам это положительно никогда не удастся.

Он заплатил вперёд за двоих, хотя ждущие его швеи никогда не подозревали, как трудно пускают на медяки его домашнюю казну.

Глава 3. Рыба на вешалке

Запечатавшийся сон имел собственную температуру. Рябой глиняный клюв Рины, который госпожа Свель всё-таки велела забрать со стола и при ней обмыть, остывал два часа, и Аста всю дорогу обратно чувствовала в кармане тёплую фасолину. Кому-то в Бухтовом дворе была пока непонятно зачем нужна длинная жизнь другого человека. Фасолина эта могла в любой момент приняться расти.

У входа в мастерскую обнаружилось двадцать три пары снятых сапог. Ученические туфли к ним не относились; ученики скидывали обувь в пристройке. Эти тщательно протёрли, сложили по старшинству — сперва бархатные, подбитые красной кожей, потом армейские, прошитые на каблуках белым волосом, последние три пары были людские, шитые на заказ широко загнутыми иглами. Стояли они на дождевой дорожке, и капель с крыши била на все двадцать три пары. Аста насчитала в сапогах восемнадцать небольших лужиц, две большие и одну ворону.

— Почему вы туфли выставили на дождь?

— Врачи говорят, князь Дивен находится при смерти, — отозвалась откуда-то Лика. — Поэтому палата решила осмотреть все ткани, чтобы одеть его надлежащим образом.

— Князю Дивену что, более не подходит сукно?

— Подходит. Но погребальный совет хотел бы найти

для него немного настоящего серебряного утка. Они сняли туфли потише, чтобы не тревожить покойника раньше времени.

В мастерской уже накрывали стол. По настоянию Городского совета мастера, исполнявшие придворные заказы, содержали у себя сомнительную привилегию кормить проверяющих. Аста, как и её предшественницы, добросовестно включала ежегодный пиршественный расход в смету двора. Двор утверждал смету через тридцать девять дней после того срока, когда сама смета переставала быть законной, и остаток уносило в Городскую палату. Соответственно, проверяющих кормили печёной картошкой и голландским соусом. В начале недели Сель перепутала ящик с соусными чашками и малярный кладовщик. Жёлтая краска на фарфоре столь хорошо воспроизводила яичный желток, что подновлять соус с понедельника до субботы не потребовалось. Члены распорядительной комиссии ели масляную картошку с поистине детскими надеждами на сливочный вкус.

Сейчас к ним вот-вот должны были подать рыбу. Рыба, многообещающе накрытая зелёной холстиной, висела на поперечной балке. На кожаном животе висели шесть отдельных креманок.

— Мел, — произнесла Аста самым мирным голосом, какого от себя не слышала со дня истечения срока прошлогодней поруки, — скажи, чья это рыба.

— Моя. Насчёт обеда шутка, а так она учебная. Мне ма-

стерица Ремма велела передать преемнице, как красиво вывешивать крыло на свежем утке. Когда рыба вниз брюхом, крылья тоже послушные; если вверх, то верх у нас с низом поссорился.

— Можно показать? — спросил Левен.

— Смотрите, пока г-ж-господа не съели.

— А чем же их предполагается кормить?

Лика серьёзно глянула в сторону кухни, где под потолком густел рыжеватый дым.

— У меня есть шесть голубей, пять луковиц, немного сала и честное слово, что я не знала, чьи это голуби.

— Ее величества, — сказал Левен. — Оперение на днях велели подкрасить новобрачным. По примете к добру.

— Так это вы про них спросили у Ольды?

— Если это они, мы попросту их купим.

Когда Аста открыла дверь кухни, в нос ей ударил сытый запах тушёного лука. Вдоль восточной стены на жердочках сновали той самой породы приглянувшиеся ей поутру голуби; все шестеро оказались не птичьим, а отдалённо-грудничковым розовым цветом, при поимке же открылась их неземная робость, за которую их здесь и предпочли прочим. Мешок чудного дешёвого корма удалось выменять у кавалерийских кухарок, алчные барышни до сих пор пировали на пустой отведённой под лук сковородке, а ученик Сель наблюдала за ними, как за судьбой короны. Настоящий обед на большой плите был прост: кипел лук, упаривался яблочный сок,

в горшке в чёрных чубчиках сидели сорок две картофелины.

— Они и посидят у нас до ужину, — сказала Сель. — На мягкой соломе. Мы их вообще не обижаем. Лика пригрозила сварить только потому, что комиссии очень хотелось посмотреть на нашу суточную пайку. Ей показали суточную пайку.

Сель спрыгнула с подоконника. Глину с её щёк смывала тонкая полоса дождевой воды, скисшей под крышей.

— Значит, вы видели Рину? Она как?

— Жизнь знает лучше меня, — сказала Аста. — Кто такие все эти у нас за столом?

— Палата смотрит резервные крылья.

— Какие ещё?

— Главный с павлином объявит с ложки. Они уже полтора часа не могут сесть по старшинству и что-то объявить.

— Павлина зовут Нис?

— Его зовут Ролат. Он петух пушкинский, я же сказала.

— Ты сказала павлин.

— Птица такая.

У Асты кончалось терпение. От соуса и горелой картофелины её мутило. В ладонях стыли стёртые коленки: в тот краткий миг, пока она не давала Рине запечатывать сон, вправду успела испытать привычное удовольствие от хорошего приказа. Привычка к этому удовольствию была наполовину замешена на том, что Аста с двенадцати лет сама отвечала за дом: нашла сумку с мукой в разорённом складе, припрятала книги училища, привела пьяному отцу доктора.

Желание отблагодарить себя за зрелость, которое она берегла под мышкой, как сэкономленную птичью ножку, окружающим обходилось иной раз дорого.

— Почему вы смотрите, как будто яйца подавали исключительно для отравы? — спросил Левен.

— Не было у меня в жизни яиц для отравы. Они дороже мякины.

— У вас отец трактирщик? У того, кого я ищу, по вывеске летит олень с двумя подковами. Он когда-то давал мне пить солёные сливки за две полушки. Я хотел спросить у него про старые расписки. Судомойки из переобувки сообщили, что он служил кассиром у грузчиков, ходящих под тяглом.

— У вас зубная боль была, или вы по любви к человеку покупали сливки с солью?

— С моей стороны как раз не было взаимности. Вашего отца раздражало, что меня приводили на нижний двор и оставляли смотреть на смену. Он счёл меня соглядатаем. А слуги с гувернёрами пили вино в его погребе.

— Можно будет его спросить, — сказала Аста. — Мне также охота знать прошлое кое-каких вещей. Только нынче поели бы.

На большом столе установили рыбу. Внутри неё была натянута рама. Во всех описаниях полёта, которые читала Аста, упоминали соколов, прекрасных скорых галок, чёрных стрел, а про рыбу говорил разве что старый мастер Уткинд, третьеразрядный тканещуп, окончивший долгое сватовство

к обойщице бегством через затянутую сетками галерею. Уткинд считал, что лучшие крылья плавают, и Аста держала его потрёпанный трактат возле постели. Рыба покачивалась в воздухе, а подвешенные под животом выразительные сосунки касались там и сям полотнища. При добром ветре и телячьем жире, который втирали в рычаг, модель могла держаться над стойкой сама собой, не отвлекая мастеров от пирога.

Его милость Ролат сидел в мокрых чулках и глядел на рыбу с ужасом опоздавшего к собственным поминкам погонщика.

— Как именуется этот вид?

— Палтус, — сказал Мел.

— Какого дня засолки?

— Уже два года.

— И широко ли продаётся в Забежных?

— Уже второй год как закрылся рыбный дом Палтусов. Не судьба его купить, сударь. Прошу к картошке.

Левен прикрыл нижнюю часть лица пригоршней, в которой от прежнего завтрака осталась узкая полоска пергамента. Его глаза переменились; принц стал как будто ниже ростом и безобиднее. В сохранившемся на краю картофеля тепле могущественные мира сего пожирали ложками мнимые скоромности, обмениваясь взглядами. Они пришли сюда совсем не для того, чтобы узнать, в каком состоянии находится королевская учебная мастерская. Их вела мысль о

запасных крыльях, о которых Аста не слышала, и полоза на тросе под ними шла всё быстрее. Острые знавшие чин рты улыбались ей, а сами люди были утомлены и сердиты. Аста подала каждой паре по две картофелины и села напротив принца.

— Его высочество и вы окажете Совету одинаковую услугу, — начал Ролат, доставая огромную ложку с дворянским вензелем. Ложка была своя. В первые мгновения её предъявления нужно было, судя по лицу Ролата, припомнить геральдику, вскочить с места, предложить пользователю стул с подогревом и в благодарность за возможный заём этого столового прибора вдобавок подарить дом. — Полётный вес предполагается сохранить в предписанных пределах. На случай необходимого исправления в церемониальную повозку положены запасные крылья. Мы хотели бы предъявить их мастерице на примерку.

— Запасные королевские крылья есть только у моего деда, — сказал Левен. — Оба дедушки умерли.

— Без сомнения, ваше высочество. Только тут мы имеем в виду иное. Дверь, пожалуйста.

Дверь, оказавшаяся в соединении со стеной на петле, затряслась. Два носильщика боком втащили прозрачный фонарь в деревянной раме. Чтобы внести его в комнату, пришлось поднять рыбу почти к потолку. Под колпаком распростёрлось золото; чешуйчатые пластины вспыхивали, стоило человеку сесть ближе, располагались на свету, как настоящие

птичьи перья, и в соседних перехватах были пробиты ситечками специальные дырочки.

— Очень красиво, — сказала Аста. — Глинку с каких копей брали? Старую или только что обожжённую?

— Эти создания, — объявил Ролат, — завтра же спустятся на испытательную платформу. Задача мастерской — накрыть их вашей тканью, чтобы при самом начале движения наследник испытал полноценное ощущение победы над высотой.

— Мы обсуждаем маскарад? — спросил Левен.

— Если нужно, можно спрятать петли. У народа непременно должна быть вера в то, что он видит. Без помощи этой веры добрым советам Мастеровой палаты придется в будущем году весьма трудно.

— Вам не следовало называть народом людей, которые на каждом из семи карнизов собственными руками подвешивали вешки, — сказала Аста. — Эти люди и палтуса от рыбы отличат без моей подсказки.

Левен осторожно нажал на одну пластинку через отверстие у дна. Вытянул срезанный кусок шерстяной нитки. Правая бровь его дёрнулась.

— Господа. Кто заказал эти петли и кто за них в действительности платил?

Комиссия отстранилась от стола как один человек, услыхавший, что под ним сидит кредитор. Ролат передёрнул плечами. У него было лицо старого, хорошо воспитанного пету-

ха под косым дождём.

— Услугодатель Вар Лой предъявил счета к палате. Бабы эти работают в счёт школьных сборов с тягловых хозяйств.

— Значит, часть недостающих клювов отпишут этому человеку? — уточнила Аста.

— Не отпи́шут. Уже отписали.

— Сняв с меня обязанность по моему обещанию?

— Человеческие желания, милочка, удовлетворяют и в том и в другом месте. Вы лично подписали нераздельным числом все фамилии. Какая разница, кого понесут эти сны?

— Разница в том, что разрезать их будут один раз. Если я протяну надрезанное дважды, у меня под руками будет просто холст.

— Тогда договаривайтесь между собою. Дому важно, чтобы из двух комплектов готов был хоть один.

— И чтобы адмирал к воздушной пристани не явился голый, — заметил Левен. — Нескладно получится, если каждый претендент возьмёт у него по лоскуту и сдует остаток с почестями. Палтус чудесный, господа, при случае рекомендую всем.

Лика принесла воспитанным и благородным людям их обувь. Она промокла до тех нежных, малозначительных мест, где живая княжеская нога обычно без труда уговаривала себя не замечать окружающей действительности. После двух влажных хлюпаний вся комиссия встала из-за стола. Рыбу торжественно опустили. Золотую клетку, к удивлению

Асты, оставили.

Когда спустя час они снова оказались на улице, принц нёс на плече палтуса. Он вызвался вернуть его старику Палтусову в ту сторону, где жил старый Вей, сначала приняв за шутку, что семилетнему экземпляру рыбьей школы понадобился срочно очень опытный столяр. Солнце к этому времени уже пробило в облаках несколько чрезвычайно убедительных дыр, Коша стала капать лениво, и на плечи прохожим с карнизных верёвок сыпались семена горного укропа. В зале «Двух подков» устало тянуло бульоном. Отец, гордый хозяин и замечательный непоседа, танцевал между столами в разбитых башмаках. Может быть, даже спал он тогда, когда не желал утратить благотворной случайности что-нибудь услышать. Поднос с немытыми кружками стоял у окна на площади солнца, как казённый корабль на параде.

— Только не говори: с кредитом, — сказал Ост дочери. — Подожди. Вот он вошёл. Так ты, моя девонька, через меня затеяла этому молодцу крыльями махать? Ну-ка, парень, поставь свою селёдку на стол и нагнись. Я хочу наконец увидеть морду человека, который мне до сих пор должен две полушки.

Левен послушался. Они разглядывали друг друга, как два человека, давным-давно одинаково решившие, что третьему здесь нечего делать.

— Как старая тряпка, — вынес приговор трактирщик. — Ты морщишь лоб. Самое смешное всё равно будет, когда лоб

перестанет слушаться.

— Сливками тогда и вправду можно было отравиться.

— Не моя вина. Дуракам надо с порога здороваться. Аста, клиенту большое красное, нам с тобой по кружке. Угу. Вот и детство, твоё высочество.

Аста дунула на принесённый в кружке пивной пенный завиток. С отцом следовало сразу соглашаться — потом он рассказывал, что о тебе думает, в пять раз меньше времени. Она дождалась, пока он увидит на дне ладони закреплённую воском фамильную бирку, и была готова к любому развитию, кроме того, которое имело место.

Отец шагнул к ней вплотную.

— Где взяла?

— Под столом в цехе. Сделали вид, что меня там не видели, больше вытащить ничего не смогла.

— У кого-то она уже вторая, — сказал он. — Вон в том углу, внутри рамки, печать царапали, как я в своё время. Царапина через весь цветок. Я за такую бирку пять лет назад давал праздничную отписку вдове с лестницы, жене угольщика.

— А тут семья Рины Свель, — сказала Аста. — Она сама в то время была ещё девочкой.

— Вот и думай, кто за что ещё раз возьмёт деньги.

— Пять лет назад? — уточнил Левен. — Где лежала первая?

Отец посмотрел на принца.

— У нас. И если ты хочешь, чтобы мы с тобой поднимали из моего погреба всю писанину пятилетней давности, тебе надо как следует меня попросить. Очень хочется услышать, как ваш брат говорит «пожалуйста».

— Ост Вей. Пожалуйста.

— Ишь ты. А я думал, будет упрямиться.

За зиму трактирный погреб отсырел по самые своды. Тонкие бумажные кромки документов срослись. Аста присела на корточки возле Тарова сундука: был когда-то свадебный, у него не меняли фамилию на крышке даже после того, как перепродали четыре раза. Чуть ниже коричневых верхних листов, спаянных яблочным духом, нашлась вторая бирка, блестевшая всё тем же блёклым розовым. В хрусткой серединке её, сразу за второй каплей печёного клея, находилась глубокая царапина через весь цветок.

Левен взял её двумя пальцами и положил себе на ладонь. Вторую бирку, без имени мёртвой угольщицы, Аста положила в его другую руку. На обеих стоял один и тот же номер: двести двенадцать.

Глава 4. Отсутствующая пуговица

В шесть утра на донце чайной чашки Аста обнаружила иностранную пуговицу. Та была восьмиугольная, с чернёным рисунком и четырьмя дырочками, в которых побулькивал кипяток. Еле выудив её кошачьей ложечкой, Аста подумала, что служащим мастерской пора платить побольше: иначе они и впредь будут занашивать одну блузу так долго, что пуговицы сами попадают в суп. Впервые после основания города мастерица Вей собиралась по собственной воле попасть во дворец прежде, чем кто-нибудь убедит правительницу позавтракать. Щёки сводило от желания зевать.

Позёмная дверь, через которую полагалось входить мастеровым, была настежь, словно на той стороне из всех сил мечтали поговорить с проходящей женщиной. Навстречу ей спустился юноша в белоснежных гольфах и пажеском берете.

— С поклоном, мастерица. Я Мина, принцева племянница. Вы вчера отняли у дяди моё яйцо.

— Яйцо было ваше?

— Папа послал яйца. Я с утра за ним спускалась, а мне отдали скорлупки и сказали, что это особый вид дворцовой каши.

— Великолепная каша получается из яиц со скорлупой, — сказала Аста. — У себя дома я так и готовлю. Случайно не ваша?

Она протянула пуговицу. Мина обнаружила на ней такое сочетание чудесных подробностей, которое до зарождения мира можно было с уверенностью определить как Минин знак и ни с одним другим никогда не перепутать.

— Чья-то, — решила она.

— Как угадали?

— На пуговице рисунок. Плохая примета, что его в чай положили вверх ногами. А где рыба?

— В чулане, ждёт ремонта. Откуда вы зна... Минутку. Что вы сами там нашли, в этой чашке?

— Две мыши и одну картину, — сказала ребёнок. — Вот здесь гляньте — это зубы, а тут её чулок.

— Добро пожаловать в швейное дело. С таким зрением вас непременно поставят разбирать шёлк из кладовой госпожи Сторх. Когда я была у вас п-п-пажом, стражник остановил бы меня прежде, чем я успела бы представиться.

— Так я перед стражником и стою, — сказала Мина, подбоченясь.

Встречались на свете дети, которым следовало дать хорошенько покомандовать. Через четверть часа они становились вполне дружелюбны и пребывали во благом расположении ко всему мирозданию. Некоторые сходные черты наблюдались у её дяди, который всё совал подчинённым потёртую холстинку вместо руки, как горожанин, которого несколько раз укусили за пальцы.

Мина поднялась по средней лестнице в птичий двор и ду-

нула в маленький свисток на цепочке. От этого открылась ещё одна дверь. За ней плохо побелённая, со множеством щелей, виднелась спальня. Аста, не желавшая ничьё знакомство начинать со спальни, попробовала отступить; из птичьего двора в этот момент вылетели две перепёлки, вслед за ними стражник с сочком. Девочка посторонилась и хихикнула.

— Это мои кузины, — прошептала она. — Спрятали снегирей в винном чулане, чтобы бабушка решила, что осень пропустила. Я сказала, там лучше перепелов. Они мне обещали быть свитой, если дядя разрешит мне на круге не носить платье. Вы тоже скажите дяде.

— То есть сейчас вы укажете путь к наследнику, а я взамен перестану сообщать всем, что Минины подружки носятся по дворцу с живой птицей? Это договор на одну услугу.

— Лучше на две, только я пока не решила, какая вторая.

— При таких условиях я должна быть вашей подданной или вы моей?

— Вот это я и не решила.

Плотная серая штора отлетела. Оказалось, что это была никакая не спальня, а платье, висящее на верёвках над небольшой площадкой. Небесно-серые шторы — кончик платья. По другую его сторону вдовствующая тётка Гевра обедала с горничными и младшей сестрой. Птиц с детства учили подпрыгивать сквозь этот лиф. Аста коротко поклонилась. Ей сунули в руки корзину с гусиным яйцом и проводили к дверям комнаты, где собирались накрывать завтрак

наследнику. До его появления оставалось достаточно минут, чтобы самой освоиться с этим семейным лабиринтом.

В комнате были совсем ещё траурные чёрные стулья. На одном лежали пачки неразобранных хлопот, на другом ночной короб, который в угол комнаты принесли под видом гостя, раздевали по частям и кормили тем, что оставалось от государства. Аста ожидала увидеть принца над столом, в ворохе карт, со светом раннего утра на седоватых висках. Вместо этого он стоял перед ней в коротких полотняных подштанниках с пятнышком горчицы на бедре и держал голову под звонкой тонкой струёй из крана.

— Мне не следовало проходить так далеко.

— Вы здесь уже второй человек с таким мнением, — ответил он. — Две минуты, и мне позволено будет открыть глаза. Будьте добры, рядом с чесноком лежит таки полотенце. Бледное. Полотенце, а не чеснок.

Он утерся до пятен. Вода в кувшине перед ним порозовела.

— У вас кровь?

— В глазок из табакерки по ошибке насыпал паприки. Мина устроила опыты с матушкиной шкатулкой. Решала, почему меня сопляком зовут лорды, которые метят в Совет. Хотела, чтобы я чихнул, и они увидели бы, что насморк прошёл. Не просите пояснить логику, она определённо женская.

— Глупостей не говорите. Когда я в её возрасте хотела, чтобы отец чихнул, выпрашивая прибавку для прислуги, то

брала перец с витрины.

— Скажите Мине. У меня изо рта сладко пахнет деревяшками.

Появившийся в дверях маленький паж с почтовым ящиком на перевязи уставился на хозяйку переулковой мастерской, стоявшую в спальне в обществе человека в подштанниках. Левен, не моргая, посмотрел на пажа.

— Игор, с наследником приключилось неожиданное. Он отыскал одну из частей своего тела там, где приличествуют кружева; прошу немедленно разнести весть по столице. А также попроси нашего доброго Еля принести запасное.

Когда дверь хлопнула, Левен пожалел, что не подумал, какую именно часть надо объявить отсутствующей.

Аста положила корзину на стол:

— Я принесла вам яйцо. Мне его всучили ваши родственницы, вероятно, в нашем обществе вы уже обрели привычку завтракать по-настоящему. И вот ещё. Посмотрите.

Она достала из сафьянового кармашка копию бирки. Внутри были обведены контуры кустика и цифр. Поутру она успела скатать с белого пергамента обе печати и отнесла оригиналы Лике в мастерскую: что бы там ни попытались сделать с её фамилией, обе приемные бумаги будут у троих взрослых свидетелей.

— Стал бы человек два раза подрисовывать на клейме одну и ту же трещину?

— У него одно клеймо. Он висячими колодками обманы-

вает в десятке городов.

— Моему отцу угольщица не платила. Ост заплатил ей за проданный тогда сон и потом отнес бирку для учёта. Купленные сны, если от них остаётся целое глиняное горлышко, разрешено перепродавать; страшно много тех, кто ждёт хорошей цены. Но там на обороте Ринино имя. Вы видели.

— Видел. Сколько таких может быть?

— Я пока нашла две. Кому вы можете поручить розыск?

— Себе, — сказал он. — Остальным нужен государственный приказ. Пока я не государь, публичное расследование забирать у городской шёлковой управы мне ни к чему. Так что если нам всё-таки нужен свидетель…

— Нам нужен человек, который сможет отличить старую печать от новой без моей помощи. Моя наставница по сновидческой выворотке живёт в Узких. Она в своё время переписывала узелковую книгу и знает обе даты.

— Вы прикажете мне найти её?

— Поедем вместе, если соглашаетесь. Я люблю свою наставницу, мне будет неловко, если она умрёт от неприятного удивления на мой счёт.

— Как это?

— Однажды мы поссорились. Я сказала о ней мерзость, которую слышал целый класс. Извинилась тем же вечером, и она больше не заговорила по этому поводу. А потом почти перестала со мной говорить. При вас у неё, может быть, будет меньше досуга припоминать.

— Какого рода мерзость?

— Зачем спрашиваете?

— Мне любопытно, как вы извиняетесь.

Аста не мешала ему одеваться. Самым увлекательным зрелищем были совершенно непослушные пальцы: человек, одевшийся вчера во флигеле без долгой возни, сегодня при виде любой пуговицы делался дураком. Выяснилась прямая польза интимного разговора для правящего дома. Аста решилась помочь. Пояс у него был простой, кожаный, с потерявшей позолоту бляхой; крючок на куртке заедал. Ей пришлось наклониться вплотную к его шее и слегка потянуть стёжок тонким рабочим ногтем. Чужая тёплая щека оказалась близко, чуть коснулась завитков у виска. Она не могла сказать, стоял ли он так близко по рассеянности или хотел того же, что и она; понятнее это было бы в любом другом месте, только не по утрам возле королевской постели. У неё дёрнулась от неловкости левая рука. Проткнуть кожу крючком в этом месте выходило чересчур легко.

— Можно я сам закончу? — тихо спросил он.

— Не умеете.

— Аста.

Она уже готова была отступить, когда он коснулся её запястья и осторожно повернул её предплечье так, чтобы глупая непрошеная рука больше не упиралась ни в его горло, ни в собственную грудь.

— Спасибо. Сейчас закончите, — всё так же негромко

сказал он. — Кто сзади?

Она задрала голову: в приоткрытую служебную решётку над дверью заглядывали трое. Мина прикидывалась бородой серого кота, за нею держали кота, у которого ни малейшего желания быть занавеской у девушки в гостях не было, а третьим, судя по помятому берету, стоял несчастный капитан караула.

— Мина, вы обещали мне ещё одну услугу, — сообщила Аста. — Принесите воды в корзину и не растеряйте ни капли.

Послышался бодрый топот, затем треск падения. Его высочество поднял руку и прикрыл ею рот. Лицо у него уязвимо порозовело, этот нелепый румянец так ей понравился, что захотелось поцеловать его по самому краю. Внезапность желания Асте пришлась куда как не по вкусу: не двенадцать им лет, каждое прикосновение можно обманом выкупить, когда у второго высокий чин.

— Стойте, — сказала она, когда он застегнул пояс, — вам не хочется больше заниматься крыльями? Вы можете мне сказать одним словом: да или нет. И мне останется доказывать вину Вара, если это он, только перед ремесленниками. Вы окажете первую и единственную услугу, не будут нужны щедрые задатки.

— Почему именно дорогие сны?

— Что?

— Сколько нужно дешёвых, чтобы на них подняться?

— При одинаковом сне всё равно: человеческий вес, по-

ловина нынешнего — такой длины подвеску и шить. Цена тут небесных законов не касается. Уток вытягивается только при добровольном запечатывании. Кому-то дело это милее всяких картинок: женщине у мельницы снилось, что бездельнику-мужу жарят пятки, она после первого такого сна согласилась дарить их каждому, кто ей улыбнётся. Кому-то за сны дают пожизненную двойную пайку. Если даритель в самом деле хотел отдать свой сон, всё пойдёт верно. Только если хочет при запечатывании, понимаете? Сами мои руки могут его силой закрутить, а уток будет, как варёный тростник. Про такое говорят: у крыла перелом.

— Почему вам кажется, что клювы Рины будут летать?

— Потому что ели-как она согласилась вполне по своей воле. Если сомнетесь, послушайте, что скажет Ольда, которую я весьма уважаю. Хорошая цена, и девяти из десяти захочется добровольно. Плюс к тому они же все умеют любить. Деньги сегодня на чьи-то пелёнки полезнее, чем возможность ещё раз присниться покойному мужу. Так устроено внизу. И тот, кто всерьёз считает, что он им возвратит лучшее, может присесть рядом с Фау до самого конца жизни.

— Там… внизу сегодняшним вечером хотят, чтобы я показал на тренировочной раме затяжку. Дайте совет, — он повёл плечом, куда вчера она отметила мелом боковой шов. — Я не поднимусь и до высоты табуретки. Меня подташнивало у возчиков на верёвке. Если они будут смеяться, я с этим управлюсь. Только тогда они могут упустить чужую травму.

Вы придёте? Нужен человек, который заметит, когда перестанут дышать.

— Вы просите пришить на куртку спасательный колокольчик, чтобы никого не принесли в жертву? Или рядом постоять?

— Рядом постоять. Вы говорили, у вас пристаёт к башмакам всякая дрянь. И что? Ни одной сопли под нашей дверью с тех пор.

— Приеду после обеда. Просить умеете, ваше высочество.

Мина нашлась в углу за зимней лестницей: пыталась выстлать корзину листьями капусты. Вид у неё был такой, будто она собралась этим вечером заткнуть половину городских трубок. Увидела Асту, возмутилась:

— Из королевской просят выполнить невозможное! А если бы не я, а кто-то беднее?

— Обычно из королевской просят, а мы исполняем и ещё сдачу вручаем. Вот, смотри.

Аста взяла остаток жирного гостиничного пергамента, которым было завёрнуто яйцо, выстелила донце, провела ногтем, обхватывая тугой ватный край.

— Называется дно из упрямства. Если дать стечь понемногу, дойдёшь до чердака. Попробуй.

Мина, окатив себе гольфы, дошла до дворцовой галереи. Шествие замыкала Ситта, горничная с золотой щеколдой на поясе, посторонний кот и Тар Нис, распорядитель, вооружённый сведениями о выходке своей ученицы. Увидев Асту,

он слегка поклонился.

— Госпожа Вей, вам пришло письмо. Гонец заходил трижды и в результате только что вспомнил, что ищет меня. Печальная утрата! Полагаю, вы знакомы с этим почерком.

Вскрытая записка состояла из формулярной приписки к сему письму, из двух узких тиснёных кружков, следов от чайной чашки, одного конского волоса и собственно двух слов Реммы Эр: «Приезжай сама».

— Сама, — прочла Аста. — Значит, без караула.

— Без коньков зимой, без крыши в дождь, без головы за дело. Как вы любите, — сказал Тар.

— Простите? — удивилась она. — С каких это пор вы знаете, что я люблю?

— Отчего же. Семь лет назад по дороге к королеве, впервые примерявшей ваши крылья, вы заперли меня в кашемировом шкафу. Ради того, чтобы актриса, которую велели убрать из дворца, успела доиграть вечерний выход. Как думаете, мы в том шкафу за час не успели познакомиться с вами получше?

Аста вспомнила, как девочка-прислужница задала тогда единственный вопрос: «А он выйдет когда-нибудь?» Потом её отыскали в белошвейной мастерской и отдали к Ремме Эр. Удивительное дело: почти все достойные занятия в городе начинались с дурного применения государственной мебели.

— Вы не написали потом докладную, — сказала она.

— Написал, но так хохотал, что поймал из чернильницы

рукавом осу. Та меня ужалила, а потом и прошла по бумаге. Я её выбросил. Вот ещё. Его высочество попросил вам передать, чтобы вы кое в чём береглись меня.

— Чего же?

— Спрячьте расписку получше. У дворца есть уши, а у ремесленной палаты, госпожа Вей, ещё и щипцы. Ночью из папки сшивочного управления взяли вашу старую квитанцию. Ехать в Узкие я бы стал сегодня.

Глава 5. Если возчик женится

Репетицию перенесли на утро. Ролат сообщил об этом складным голосом, сдвигая губы, будто сам выдавал невесту за нового жениха вместо сгинувшего в отхожем чулане старого: ни ему лично оттого не жарко, ни казённых обязательств в отдельных пунктах не прибавилось. По крайней мере, великие придворные дела оставили его помощнику открытый вечер. Пока Аста ходила за сумкой, Левен переменил чёрные придворные чулки на добрые штаны, завернул в шерстяной платок два широких хлеба и сыр и попытался покинуть дворец так же незаметно, как, по его мнению, проделывали это его восемь предшественников в период юношеских непотребств. Проскользнул он через гардеробную, потом через смежную уборную, в которой на цепи была привинчена медная русалка с букетом под хвостом. Из деревянной груди русалки вылезла рука, спокойно сняла его котомку и положила рядом вторую, промасленную.

— Зимний жилет, три пары сухих шерстяных носков, пастилки и расчёска. Кусок сахару на тот случай, если вас станут есть. Для кучера, который вас повезёт, пенёк коричной коры, ему от неё дыхание легче, — сказал голос из-за стены. — Если удастся улизнуть, прямая дорога из соседнего подъезда. С матушкой прощались?

— Тар, у вас сумки по всему дворцу заведены?

— И одна родственница. Она дала лаванды для ваших волос. Вы желаете её получить? Я мог бы пропитать водой и приставить лейку прямо здесь.

— Почему у вас нет часов выходить на свежий воздух?

— Корону с головы уносит. Прощайте, если хотите меня видеть ещё, найдёте там, где повесили штаны.

По лестнице, на которой вчера шелестела Коша, поднимался сладкий вечерний сумрак. Шёлковые лужи растянулись меж ступеней и держали на поверхности отражённые звёзды. Едва отъехав от конюшенного навеса Левен заметил, что нет с ними названного Таром кучера. На передке сидела Аста, закутанная в рабочий плащ из серой замши, на колени замотала старое пёстрое одеяло. Лошадка, доставшая им головою до плеча, была косматая, сердита и удивительно уважала мнение человека, который натёр ей переносье сменившей летом цвет мазью от оводов. У неё на губе гнездился прыщ, утками перевязанный вокруг.

— Вы разрешаете ей ходить быстрее? — спросил Левен.

— Я разрешаю ей всё, что у меня хватает духу ей запретить.

— А когда же мы доедем?

— Часов через семь. Перед рассветом. Но есть прекрасный способ срезать через овчарни, там ночуем. Видите вон тот огонёк над нижним каменным уступом? К полуночи доберёмся, а там осветим себе путь до самого Банного сада.

— Что, это нормально, что только сейчас я узнаю о по-

добном счастье?

— Да. Идите. Вам следовало обеспокоиться, если бы я предложила подлететь на крыле.

Вниз по склону и вправо. Фургончик пах янтарным дёгтем и засохшим привезённым через две страны виноградом. Под полозьями шуршали свежие пучки лычной косицы, которой обмотали выступы, чтобы не рвать мощёную досками дорогу. Рядом с рукою Асты было пустое место. Не желая выпрашивать его, Левен остался на общей лавке; матрасик под ним двигался взад-вперёд на каждом повороте, подталкивая его перебраться ближе к крылу возницы. Он сперва упрямился, потом спросил:

— Положено пассажиру держаться за коня?

— За коня неудобно. Можно за меня. Или за ремень.

Он предпочёл первое. Аста обернулась в его сторону; по темнеющему лицу бегало солнце, когда в густой орешине по верхней стороне открывалась щель. У Левена вышло едва дотянуться до её спины и коснуться ладонью тёплой замши. Спина оказалась длинной и узкой, с неожиданной ложбинкой меж лопаток. Почему-то он представлял её гораздо шире.

— А с чего вы думаете, что я решила позволить вам всю дорогу в меня упираться?

— Я спросил.

— Да, сейчас все это поняли. Обычно наши спросильщики заранее за другого отвечают. У вас нет этой слабости?

— Я всё время ею пользуюсь, — признался он. — Вас вчера хотел тогда же отвести в Гильдейскую; думал, попросить, и вы не сочтёте нужным отказаться.

— Просить. Отвести. Куда?

— Я там жил в детстве. Это было самое первое желание, когда вы сказали, что хотите показать мне свою жизнь внизу. Потом рассудил я: если мы туда попадём, меня станут упрашивать что-нибудь разрешить, к вам кинутся с просьбами о знакомстве. Так что остался здесь, где от меня одна польза — держу сыр.

— Мой отец говорил: если возчик женится, прежде всего надо разглядеть, где у него в телеге сиденье для невесты. Слишком часто туда кладут сыр.

— Ваш отец столько раз женился?

— На одной. Ему хватило.

Она поднялась, чтобы передать вожжи. Он сел прямо туда, где раньше была её тёплая нога. Вполне можно было признаться, что и от такого подарка существуют способы лишиться способности вести экипаж. Вожжи двигались в его руках мягко. Солнце в последний раз развернулось на туманных карнизах, плетёное лошадиное ухо одобрительно шевельнулось, а вдалеке сквозь белые заросли дикого тмина вышла женщина в высоком войлочном цилиндре, распахнула ворота и повесила фонарь прямо над дверью своего дома.

— Здесь-то и ночуем? — спросил Левен.

— Пять домов в Узких держат для пассажиров кровати.

У мадам Понь с подветренной стороны, слышно всю ночь, как корова жуёт. Я привыкла. Что-то нас ждут?

— Вы узнаете письма на дороге по тому, как горит фонарь?

— У них на воротах нарисовано огромное красное сердце с жёлтою двузубой вилкой. Это значит, вчера кто-то засватался и всю ночь будут есть. Вы же хотите куда-нибудь деться, где над вами не квохчут, не восхищаются и не раскладывают вам салфеток?

— Угадали.

— Тогда я покажу вам ещё одну причину, по которой вы, вероятно, закончили бы жизнь холостым.

Их принял заранее сговорённый мелодичный звон: тарелками стукнули друг о друга и пустили по кругу огромный круглый таз, из которого каждый въезжавший черпал себе полкружки деревенской ячменной наливки. Её нужно было выпивать стоя, кроме тех, кому вернувшийся холод делал дурно в коленях. На углу, где собирались вырезать из серого деньгового гриба герба невесты и жениха, их и усадили прямо на деревянный настил. Левен сразу увидел, что у большинства собравшихся уже блестят глаза; устали трава и подрезанные виноградные листья, стёкла во втором этаже выходили в сад четырьмя розовыми пузырями. Тут должна была остаться на ночь королева какой угодно величины, если только ей нужен был тихий сон. За далёкими навесами шла ещё одна весёлая жизнь, пахнущая мылом, веревками и до-

бавленной для вкуса лимонной корочкой.

— Кто жених и невеста?

— Пока не выяснили, — ответила Аста. — У горных возчиков на ладони засватываются.

Она просунула ему сквозь толпу свободный конец своей шали, чтобы могла за него нащупать его руку, и устроилась у края на скамейке. Здесь сквозь вырезанные в досках отверстия вытягивались десять незнакомых рук. С противоположной стороны кто-то должен был их ощупать и отметить одну зелёным браслетиком. Потом это проделывали и подающие руки. Если по случайности выбранный на ощупь избранник тоже отмечал выбравшего, тогда им разрешалось сесть на свободные качели и обсудить, заслуживает ли эта шуточная свадьба какой-либо земной, вещественной плоти. Вместе с двумя настоящими невестами в холщовой фате на качели уже подсаживали четырех дядь и бабушку пятидесяти с лишним лет.

— Узла не делай, — велела Аста.

— Вы боитесь, что вас намертво привяжут?

— Хочу, чтобы у несчастного появился шанс удрать.

Сельская привычка живо представилась ему пестрым неофициальным календарём: день, когда выросли в поле особенной высоты подсолнухи; день, когда Минин будущий гувернёр выбрал по руке его конюха; день, когда он показал плечи приятной ему женщине и получил вместо приговора варёное яйцо. Праздник выносил из памяти старое двор-

цовое правило, по которому на каждом балу ему разрешалось ровно два танца, средней продолжительности, с женщинами, издавна известными безупречной непопулярностью. Этим способом двор показывал, что брак он заключит позже и что женская половина не лишена шансов, если умеет ждать. Никто не объяснил, что до назначенного возраста у этой половины постепенно вырастают собственные ноги.

Протянутая Левену рука была вначале мужская, сморщенная сильнее, чем он предполагал. Второй оказался огромный жесткий кулак; его владелец, сжалившись, на миг раскрыл круглую ладонь и выпустил крошечную мышь. Третьей, на мгновение, стала твёрдая узкая рука с маленьким выступом на внешней стороне среднего пальца. Мозоль от иглы? Он медленно коснулся её, стараясь не смущать хозяйку. Пальцы мягко взяли его за подушечку большого пальца. У человека, который двигался теперь в тёмном окошке, было удивительное тепло посередине ладони. Сами пальцы, крепкие и короткие, дрожали. Он уловил себя на неприятно лапшичном расчёте: если именно Аста тайно играет, то станет ли она этой ночью с ним гулять; если другая женщина, какое право он имеет отнимать её единственные качели ради лучшей догадки о занятной персоне?

Он обернулся. Аста, прижав ладони к щекам, стояла в двух шагах за ним и слушала нелепую свадебную песню о мышке и приёмщике чугунных рельсов. На коже пальцев у неё темнели ежедневные уколы.

— Почему не взяли? — спросила она позднее.

— Очередь была длинная. Всё-таки это не банк: давать пустые обещания никому не хотелось.

— У вас было подозрительно благородное лицо для человека, который только что чуть не выиграл себе мужа.

— Ошибаетесь, я как раз и хотел мужа. Уступил своей королевской необходимости.

— Очень достойный способ проигрывать.

Они сидели на плоской крыше овечьего навеса. С тех пор как окончились состязания и выдали законным молодым пирожок с одной прокушенной полостью, Аста наведалась в пекарню и устроила на шали ужин из гусятины, сыра, орехов и вишен, и все эти чудесные вещи наконец-то можно было есть самостоятельно, не смешивая ножи и не отвечая за никчёмную тревогу городского герольда о подходящем тарелкам наклоне.

— Если мне станет дурно, — сказал Левен, когда они доели вишни, — у Реммы вы скажете, что у меня испортилось ухо?

— Отчего же вам должно стать дурно?

— Её окна выходят на самую скалу. Я был в её домике; мальчишкой. Она не скажет, что встречала, моё имя ей не называли. Там был небольшой задний двор и чудесное вывешенное над ним полотнище, которым ловили детей. В столице называлось лётной ямой. Зимой наполненная пером сеть на самом деле оказывалась деревянной и колючей. Когда са-

дишься в неё с размаху, получается вовсе не мягкий дым. Один раз не хотел, меня туда спустили руками.

— А я думала, вы летать не станете потому, что вам понравилось собственное мнение о чужих снах.

— Я в нём не одинок, но люблю свою правоту ровно посредине между тазом и одним из тех нижних позвонков. С них всё и пошло. По праздникам туда до сих пор покалывает.

— А перед кем вам надлежало это доказать?

— Перед отцом, разумеется. Кто ещё делает с детьми такую бессмысленную кашу?

— Иногда матери, — сказала Аста. — Ремма бы ничего подобного ребёнку не пожелала, у неё с незнакомыми детьми всегда выходило ладно. Свой сын на чужбине. Её старая мастерская там и стояла, где вы тренировались. Чёрт, словно всё в мире подберётся, кто где очутился в неподходящую минуту.

— Мы сегодня весело провели вечер.

— Это правда. А остальное можно будет вспомнить утратившимся счастьем, — отозвалась она. — Мне иногда кажется, что я сколько угодно могла бы выдавать тем, кто их боится, удостоверения, что собственного страха они не боятся. И они были бы при этом совершенно искренни. Я что-то такое и сделала себе, когда Ремма отвернулась от меня. Надо вам рассказать подробности, пока судья делает вид, что он только возчик.

Аста взяла с края парапета маленький плоский каштан,

разломила ногтями и отбросила.

— При ней у наших младших учениц гнили ноги. Сапоги крыли по доброй цене, когда кожа гнила ещё на складе. Я требовала сменить поставщика. Наместник не позволял. Я принесла ему разрешительные бумаги, чтоб он дал всем школьницам новую кожу в обмен на зимние долги. Ремма сказала, что я придумала самый старый способ заставить человека работать в рабство. Деньги класс получил. Кто согласился, остался на вторую зиму. Кто не согласился… — Она выдохнула. — Искать-то их я не пошла. Зато при всех сказала, что та, которая сына в жизни не удержала, не имеет права решать за чужих.

Где-то внизу брякнула на цепи кормушка. Корова зажевала. Гости продолжали жить своей почти домашней жизнью. Левен, ожидавший, что обида Асты будет из тех, которые легко завернуть во что-нибудь шуршащее и дать тому, кому уже исполнилось пять, облизнул губы.

— Дошёл в конце концов? Сын?

— Да. Живёт в маленькой почти морской стране и печёт пирожки. Иногда пишет. Тут он косил, не мог вдеть нить в иглу. Она ему первой сказала идти делать, что нравится. А я знала одно, удобное.

— Не обрадовались вы ей потом, когда она молчала, да?

— Не люблю, когда меня прощают загодя, — призналась Аста. — А когда совсем не прощают, оказывается, тоже не очень.

Он искал, чем бы укрыть ей плечи. Она обернулась вовремя и сказала, что сама больше замёрзнет, если ещё два часа он будет цепляться черенком сиротской расчёски за сплетённые на груди волокна шерсти. Принц послушался. Под звёздами, показывая друг другу редкие видимые огоньки, они дождались, когда закончат мыть посуду и хозяйка найдет обещанную им для ночлега пару тюфяков. Получили один тюфяк, двойной, с толстой складкой между набитым отдельно колосом и скорлупой. Аста поставила между ними свёрнутое одеяло. Левен, проявив недостойную уже на рассвете слабость, осторожно коснулся пальцами сквозь складку участка, где должна была лежать её шея.

— Держите руку и спите, — сонно сказала она. — Через два часа меня первым ожидает человек, которому я разбила лицо и теперь собираюсь ещё выспросить всю правду.

— А если бы я сейчас… ну хорошо.

— Если бы вы сейчас что-нибудь начали, я бы вам врезала из уважения. Мне и так хорошо.

Она сама нашла его пальцы, тесно сплела с одним своим мизинцем. Тонкая нитка в складке одеяла натянулась, положив их общей руке узкую границу. Левен постарался дышать ровно. Выходило легко, и он заснул.

Глава 6. Тёплый фарфор

Молодожёны выехали первыми, за один час до зари. Невестин бряцающий сундук провезли у самого окна. Мастерицу поднял профессиональный инстинкт: послышался такой звук, словно забыли в нём застегнуть все те ремни, на которых новые мужнины рубахи должны были оставаться без единой утюжной складки. Глупейшее побуждение, но проснулась она как раз тогда, когда было нужно.

Овчины по углам кровати успели набрать одно длинное тихое тепло. Левен спал на животе с лицом человека, который в любом уме лежит на боку. Пробившийся от печного огня свет изогнулся по его неровной щеке. До чего скучно, подумала Аста, что мы так прекрасно чувствуем всё слишком рано, а нужную вещь потом долго в себе носим и никому от этого не достаётся ничего приятного. Она посидела ещё минуту, перебирая в изголовье реснички из обломавшейся соломы. Дом спал, лошадь спала, внизу на выстланном веничками дворе спало остаточное веселье, оброненное вчера теми, кому не хватило сил взять его с собой. Аста успела стянуть сапоги с общего крюка и спуститься к корове. На её горле висела обкусанная медная ложечка.

Пытаясь растопить очаг в сторонней стеклянной кухне мадам Понь, Аста нашла в раздувальном рожке две свежие сургучные печати. Они были фамильные и пахли светлым

малиновым мёдом. Такие она запомнила совсем девочкой, у Реммы: та держала их в подрамном мешочке на случай, если придётся прервать неудачное обещание. Она сама почти их сроду не употребляла. Горожане заключали простой договор за простой счёт и без особого условия о праве на передумать. С того и выходила ненужность печатей.

— Вы у Реммы в числе купцов были? — спросила она у мадам Понь.

— Мне у Реммы на третий год отроду сшили спальный мешок, потому что я до двенадцати надеялась лишиться голоса и лечиться яблоками. Вы к ней наверх поедете или стремитесь не застать её в дурном нраве? При первом надо помешать огонь в последнем горне. При втором легче смотреть, в какую сторону дымится кузня. Большие шансы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.